

Ярослав Гашек на Юго-Западном фронте и в Киеве 1915—1918 годы

Окончание, начало в №4/2009

Ярослав Гашек (1883—1923), чешский писатель и журналист, как он называл себя в анкетах, был автором 1200 публикаций. Во время Первой мировой войны он воевал в трех армиях — Австро-венгерской, Чехословацком корпусе и в Красной армии. Сложным был его боевой путь, большая часть которого проходила по Украине: в Галиции, на Волыни и в Киеве — на протяжении двух с половиной лет.

«Кто создал чешское войско?»

С сентября 1916-го по февраль 1917 года внутри чехословацкого движения в России происходили тяжелые споры. В них включился и Ярослав Гашек. Разногласия начались весной 1915 года, а в конце апреля 1916-го состоялся второй съезд Союза чехословацких обществ в России, где определились два направления в освободительном движении.

Первое — Киевская группа, состоявшая из разбогатевших чешских городских старожилов, сельских колонистов Волыни и других губерний, опиравшаяся на поддержку царских кругов и получившая большинство голосов на съезде, имела славянофильскую и монархическую политическую ориентацию.

Второе направление — молодая Петроградская группа, состоявшая из бывших военнопленных, ориентировалась на масариковскую Чехословацкую Народную Раду в Париже, созданную в марте 1916 года. В ней были представители чехов и словаков, живущих в разных странах Европы, США и Канады. Эта группа была сторонницей буржуазной демократической республики и стремилась подорвать монополию киевской группы.

Царская власть, естественно, поддерживала киевскую группу и выступала против масариковской парижской. По всей вероятности, именно поэтому профессор Масарик до Февральской революции в Россию не приезжал. Отрицательное отношение к нему властей также вызвала его книга «Россия и Европа», три тома которой вышли в Англии в 1913 году.

Ярослав Гашек в 1916 году был сторонником первой группы. Это нашло свое отражение в его сентябрьской статье в «Чехословане» (№ 25 от 4.09.1916) «Чем мы обязаны русским чехам», подписанной псевдонимом «доктор Владимир Станко». Он писал: «...Пришли мы (в плен, в Россию — А. М.) не информированные, разобщенные. Необходимо было, чтобы нам кто-то указал путь. Сделали это русские чехи. Кто создал чешское войско? Кто информировал Государя о наших страхах по самостоятельности? Кто финансово поддерживал все наше движение в его начале? — русские чехи. Справедливая история запишет, чем мы обязаны русским чехам за то все, что они построили и чему дали стимул... Поэтому большей должна быть наша благодарность тем, кто первый поднял чешское знамя и взял на плечо винтовку для его защиты...». Далее он писал: «А мы, пришедшие в Россию, следовали за ними. Русский чех был хороший судоводитель, знал все подводные камни, на которые бы неискушенный рулевой, не знающий течения, мог бы наткнуться. В этих условиях мы хорошо продвинулись вперед к цели».

Через 2,5 месяца в связи с коронацией наследника австрийского престола Карла I Гашек написал в статье «Правитель, который сел на чешские штыки» («Чехослован» № 37 от 27 ноября): «Мы не хотим иметь на троне чешском Габсбурга. Мы для того совершили революцию, чтобы повалить династию Габсбургов и на чешский трон позвать члена великого славянского рода Романовых».

Февральская революция в России имела громадное влияние на движение чехов

и словаков. Основная опора Союза чехословацких обществ в России — царизм — пала. Ситуация существенно изменилась в пользу петроградской оппозиции, «Клуба сотрудников Союза» и в пользу Народной Чехословацкой Рады в Париже с Масариком во главе, которую в тот момент в России представлял французский гражданин, словак Милан Штефанек — пилот, офицер, позже генерал Французской армии. Киевский Союз ЧС обществ признал свою подчиненность парижскому центру, которым руководил Масарик. Был подписан «Киевский пакт», лишены полномочий прежние руководители Дюрих, Макса и Халупа. Эра власти Союза Чехословацких обществ в России закончилась.

Формальное закрепление этих перемен произошло на III Съезде Союза чехословацких обществ в России, состоявшемся 23 апреля — 1 мая 1917 года (ст. ст.) в Киевском университете св. Владимира. Его назвали Революционным съездом. На съезде чешские и словацкие старожилы были представлены простым меньшинством: от военнопленных был 141 делегат, от войска — 86, колонисты и другие старожилы прислали 55 представителей. Наивысшим органом всего чехословацкого освободительного движения была признана Парижская Чехословацкая Народная Рада во главе с Томашем Гарригом Масариком. На съезде было решено избрать подчиненный ей Филиал Чехословацкой Народной Рады на Руси (из 13-ти представителей) с пребыванием в Петрограде. В Киеве разместились две его комиссии — военная и по делам военнопленных.

Союз чехословацких обществ в России продолжал существовать, но его деятельность была сведена к решению консульских и социальных вопросов, лечению раненых, защите инвалидов, семей погибших и так далее. Как бы незамеченной осталась почти трехлетняя созидательная работа Союза ЧС обществ: ее роль в создании Чехословацкой Дружины, превращении ее в полк, в 1916 году — в два, а к марту 1917-го — в три полка, а также в работе среди военнопленных в лагерях и на предприятиях, мобилизации денежных средств чехов-старожилов и работающих военнопленных...

Во Франции это время была сформирована одна чехословацкая рота «Наздар», и пополняли ее добровольцами-чехами из Киевского военного округа, отправляя их через Архангельск морем.

В Италии только в 1918 году будет принято решение о приеме добровольцев из военнопленных в армию и доверии им оружия. Это уже тогда, когда российский Юго-западный фронт перестал существовать, а Чехословацкий корпус в России завершил свое формирование и двинулся на восток.

Летом 1917 года в Киеве военная и другие комиссии Филиала ЧС Народной Рады на Руси разместились в «Доме со шпилем» на улице Большая Подвальная 1, рядом с Золотыми Воротами, а по другую сторону от них, по улице Владимирской 43 (там жил известный певец Вертинский с родителями) — Правление Союза ЧС обществ. Комиссия по формированию войска генерала Ярослава Червинки работала на улице Жиланской 104, недалеко от вокзала, и принимала приезжающих добровольцев.

После Февральской революции утратили почву под ногами редакция «Чехослована» и Ярослав Гашек. Он занялся обзорами и статьями о текущем моменте. В статье «Темная сила» он пишет о Распутине как симптоме болезни империи, а в статье «Республиканская программа в Чехии» обсуждает революционный подход к построению республики в будущем государстве...

В опалу — задним числом

В день открытия III съезда Союза чехословацких обществ в Киевском университете, 23.04.1917 (ст. ст.), вышли две публикации Гашека — «Наши пулеметчики» в «Чехословане» № 17 и «Клуб чешских Пиквигов» в независимом политическом еженедельнике «Революция». Обе статьи были направлены против новых течений в чешском и словацком движении, против петроградской оппозиции и беспринципных карьеристов среди руководителей.

В «Клубе чешских Пиквигов» Ярослав Гашек подверг острой критике руководящих деятелей, персонально описал недостатки семи известных в чешских кругах политиков во главе с редактором петроградского «Чехословака» Богданом Паулу, которые претендовали быть избранными III съездом на руководящие должности.

Статьи были стимулом к тому, чтобы заставить Гашека и других добровольцев — сторонников Союза ЧС обществ — покинуть Киев до начала работы съезда.

Реакция была мгновенной и бурной. Рядовой Гашек был лишен всех своих функций — корреспондента «Чехослована», обязанностей члена Клуба сотрудников. Приказом по 1-му ЧС стрелковому полку, оформленному задним числом, № 981 от 23 апреля, он вместе с добровольцем Иваном Гайеком, которого делегаты также требовали выдворить из города до начала съезда, были отозваны из Киева на фронт в свой 1-й полк. Увольнение из редакции было оформлено позже, 30.04.1917, когда Ярослав Гашек уже был в полку. А чтобы он мог осознать власть нового руководства, было предписано переводить его с места на место. Теперь он ехал на фронт в наказание за провинность.

В конце апреля Ярослав Гашек был доставлен в штаб 1-го полка, зачислен в 7-ю роту Яна Сырови и арестован. При обыске у него изъяли несколько экземпляров журнала «Революция». Добровольцы к нему отнеслись негативно, угрожали побоями. 4 мая он, находясь под арестом, был переведен из 7-й роты в отдел связи бригады. 16 мая полковой комитет провел «суд чести». На заседание суда Гашека привели под охраной, заставили читать свою статью вслух. По ходу чтения задавались вопросы, и он давал на них ответы. Потом председатель полкового комитета предложил Ярославу Гашеку подписать заранее подготовленное извинительное заявление, которое должно было быть передано в редакции «Чехословака», «Чехослована» и «Славянского вестника» для публикации. Гашек его подписал. На нем стояла дата 15 мая (вчерашня). В заявлении было выражено извинение семи персонам из руководства движением, дано обещание прекратить контакты с редактором и коллективом журнала «Революция». Подписывая извине-

ния, Гашек заявил, что отправку на фронт не признает наказанием, так как вступил в легион для того, чтобы воевать на фронте за свободу. Известно, что редактор «Чехословака» Богдан Паулу извинения Гашека решил в своей газете не публиковать.

После этого Ярослав Гашек провел неделю под арестом, числясь с 17 мая рядовым пулеметного подразделения запасного батальона. С 24 мая негодный к строевой службе и необученный пулеметному делу рядовой Гашек стал пулеметчиком пулеметного подразделения 1-го ЧС стрелкового полка.

В начале июня 1917 года, пока Ярослав Гашек осваивал пулеметное дело, в Киеве на Владимирской улице 30, в Славянском издательстве, заканчивают печатать книгу «Бравый солдат Швейк в плену». Эта небольшая книжка карманного формата из серии «Библиотечка Чехослована» заканчивается на 121 странице фразой о том, что Швейк бросился бежать к русским окопам, чтобы попасть в плен, повернувшись спиной к империи и черно-желтому двуглавному орлу, у которого начали выпадать перья...

Герой-пулеметчик

В середине июня началась подготовка к «Прорыву Керенского». Роты 1-го полка переместились к Зборову в район села Озерна, собирались в батальоны. Ярослава Гашека перевели в штаб полка писарем. Когда легионеры начали занимать позиции и непосредственно готовить их к бою у Зборова, Гашек всюду помогал, вплоть до обновления окопов и ношения воды для охлаждения пулеметов.

Второго июля во время Зборовского боя Гашек остался один в канцелярии штаба. Увидев, что все штабные и хозяйственники ушли с оружием в окопы, он пошел за ними, занял позицию и начал стрелять. Бой был успешным, но кровопролитным. Бригада потеряла около тысячи человек, в том чис-

Третий Съезд Союза Чехословацких обществ во дворе Киевского Университета, революционный съезд, апрель — май 1917 г.

ле убитыми 185. Русские войска бросили фронт и не развивали успех, ради которого Чехословацкая бригада начинала бой, запланированный накануне. Почти шесть километров прорванного фронта четырех линий обороны противника оказались никому не нужными.

Через несколько дней после боя у Зборова и похорон погибших на Чехословацкую бригаду начали наступать немецкие войска с участием польских добровольцев. Бригада организованно отступала к Тернополю и далее на восток, ведя арьергардные бои. 10 июля полковая канцелярия была разгромлена артиллерийским огнем. Гашек по своей инициативе ушел из штаба полка в роту и был в бою пулеметчиком. Адам Криж видел его: «Я. Гашек в рваной одежде катил пулемет».

Доброволец Франтишек Вилдманн вспоминал: «После отступления от Тернополя в Старом Константинове стоит утром строй нашего полка, а перед его глазами тянутся остатки 1-го полка. Последними идут пулеметчики. Между ними обращает на себя внимание накупившийся пулеметчик. С порванными сзади штанами тянет за собой подетски пулемет. Два печальных маленьких черных глаза смотрят с картофельного лица. Спрашиваю сам себя: „Возможно ли, чтобы анархист стал бойцом за чехословацкое государство?“ И с удивлением кричу: „Ярда! Это ты?“. Да, это был Ярослав Гашек, писатель, писарь из полковой канцелярии. Для разговоров не было времени — обменялись на прощание рукопожатиями. Через минуты прошел 2-й полк, а за ним пошли и мы, 3-й полк».

С 15 июля 1917 года Гашек снова стал писарем канцелярии 1-го полка и был причислен к штабу. После июльских боев полк остановился на отдых в местечке Березна (теперь Велика Березна), селах Лабунь и Титкова, возле Полонного. В полках появилась книжка о Швейке в плену. Она имела успех у добровольцев на фронте и у пленных, работавших в тылу. Они могли отдать за нее последний рубль. Сотрудничество автора ее с Союзом ЧС Обществ осталось в прошлом.

Безупречная и прилежная служба восстановила авторитет и доверие к Ярославу Гашеку. 26 августа 1917 года его избрали

от штабной роты в полковой комитет секретарем. По его предложению в комитете были созданы финансовый, хозяйственный, образовательный и агитационный отделы. С 7 сентября он был заседателем в том же полковом суде, который судил его в мае.

Командир полка назначил Гашека библиотекарем собранной к этому времени библиотеки. В полку готовили самодеятельный спектакль «Погром христиан в Иерусалиме» и просили Гашека помочь в постановке, а он предложил поставить сцены о Швейке.

Третьего сентября 1917 года в № 36 «Чехослована» была напечатана статья Гашека «Письмо с фронта» с анализом провала успешно начатого наступления у Зборова, участником и очевидцем которого был автор. Это первая статья, вышедшая после четырех месяцев опалы.

В это время Гашека произвели в десятички (сержанты), а 21 октября 1917 года за участие в боях у Зборова и при отступлении к Тернополю наградили медалью св. Георгия IV степени. В ноябре 1917-го он был избран представителем полка в комитете бригады.

Один житомирский житель, уезжая из города подальше от приближающегося фронта, предложил из своей библиотеки книги на чешском языке для полка. Полковой комитет послал в Житомир двух добровольцев и Гашека. Через неделю двое вернулись в полк с полными рюкзаками книг, а Гашек уехал в Киев в «Чехослован». Вскоре в полк пришло распоряжение из Филиала Чехословацкой народной рады на Руси, чтобы Гашека из полка откомандировали в редакцию «Чехослована». С того времени командование полка не вспоминало о нем.

Под головой — пачка газет

С 15 ноября 1917 года Ярослав Гашек второй раз официально работал в «Чехословане». Теперь уже не как прикомандированный к редакции солдат из полка, а как один из трех главных сотрудников газеты, фамилии которых теперь пишутся под заголовком ее, после редактора-издателя и секретаря редакции. Им Гашек останется до закрытия газеты в марте 1918 года. Все это время Гашек непрерывно находился в Киеве, интенсивно работал и настойчиво проводил идеи социал-демократии. За это время только в «Чехословане» вышло 40 его статей.

В декабре 1917 года друга Гашека врача Франтишека Лангера вызвали в Киев, откуда он должен был отправиться в Стокгольм для организации Чехословацкой пропагандистской канцелярии и руководства ею. По приезде он пошел к Гашеку в редакцию, так как ему негде было ночевать. Сам Гашек спал в редакции на столе, положив под голову связку газет, а укрывался воинским плащом. Лангер несколько ночей провел в редакции на газетах, пока не устроился дома у секретаря редакции «Чехослована» доктора Винценца Харвата.

Видимо, гостиница «Прага» принимала постояльцев более «чистых», чем шеф-

Отель «Прага» сегодня

лекарь 1-го полка Франтишек Лангер и десятичник (сержант) пехоты писатель Ярослав Гашек. Это подтверждают воспоминания Зденека Штепанека, военнопленного, профессионального актера, выступавшего в любительском театре «Стромовки», ставшего со временем в Чехословакии известным режиссером театра, кино и телевидения. В 1917 году перед вступлением в Легион он некоторое время был администратором гостиницы «Прага».

Штепанек писал, что это была самая большая и одна из дорогих гостиниц в Киеве. Будучи администратором, он принимал важных постояльцев — генералов, полковников, заводчиков и фабрикантов, делавших поставки для армии, а также важных иностранцев. Для этого получил рабочую одежду: безупречный черный костюм, белые манишки, шляпу-цилиндр, комбинированные ботинки и коллекцию галстуков. Понятно, почему Гашек заходил в эту гостиницу нечасто и только на «пивечко».

Будущих генералов и писателей Лангера и Медека Гашек водил по питейным заведениям. Новый 1918 год они встречали у пана Винаржа в пивном ресторане на Институтской. Когда расходился, Гашек подбил друзей пойти на Софиевскую площадь, встать на колени, молиться и кланяться конному памятнику украинскому гетману Богдану Хмельницкому. На следующий день Гашек объяснял Лангеру: он думал, что они находятся в Праге перед памятником святому Вацлаву и что Лангер просит у того прощения за написание в юности о нем пьесы.

В январе 1918 года Лангеру пришел вызов из полка: там появились случаи сыпного тифа. Поездка в Стокгольм была отменена.

Началось Январское восстание, в Киев пришли большевики. Чехи объявили нейтралитет, невмешательство в дела Украинской Народной Республики и Советской России. Но солдаты воюющих сторон не понимали, что это значит. Однажды Гашек вышел на улицу возле редакции. Его остановили красные патрули. Он предъявил документ, выданный еще украинской вла-

стью. Они рассматривали его, передавая из рук в руки. «Белый, контрреволюционер. К стенке его! Расстрелять!». Гашек объяснял, что он чех и «нейтрал». «Все равно буржуй! Отделай!» — и повели его в подходящее для этого место. Гашек испугался, но сумел их убедить, что перед казнью надо выполнить последнее желание осужденного — выпить. Завел солдат в грузинский винный погребок «Замок Тамары» на Владимирской, напоил их с помощью доброго знакомого, грузина, хозяйничавшего в погребке, и таким образом спасся.

Дезертир

В конце февраля — начале марта 1918 года немецкие и австро-венгерские войска, приглашенные в Украину новой властью, относительно мирно занимали ее территорию. Они воевали только с Чехословацким Корпусом, который считался теперь формированием еще воюющей французской армии, находящимся временно на территории бывшей царской России. Чехословацкий Корпус срочно перемещался на восток за Днепр, чтобы в Бахмаче погрузиться в поезд, ехать на Дальний Восток и далее морским путем во Францию и Италию воевать с Австро-Венгрией.

У Ярослава Гашека обострился конфликт с Филиалом ЧС Народной Рады, он протестовал против отправки войск во Францию, понимая, что чехословацкое войско станет оружием контрреволюции в руках англо-французских политиков. 10 марта 1918 года, когда бригада была в районе Бахмача, он подал в Правление Филиала такое письмо: «Заявляю о несогласии с политикой Филиала Чехословацкой Народной Рады и с отъездом нашего войска во Францию. Поэтому объявляю, что выхожу из чешского войска до той поры, пока не наступит в нем и в целом в руководстве Народной Рады иное направление. Прошу принять это мое решение к сведению. Буду и далее работать

для революции в Австрии и за освобождение нашего народа. Ярослав Гашек. Прочитано на собрании 10 марта 1918 г.».

Гашек не присоединился к частям, едущим в южном направлении (Пыратин — Полтава — Харьков — Таганрог), и в северном (Курск — Воронеж — Тамбов — Пенза) — тоже. Он «забросил винтовку в жито» и принял дословно девиз Масарика: «Надо по одному идти во Владивосток!», только конечный пункт пути выбрал другой — Москву. Он шел пешком проселочными дорогами в направлении Конотопа.

В одном селе его задержал красный патруль (Это могло быть в Халимоновом Хуторе или Калиновке. Автор этих строк 14 июля 1941 года после жестокой бомбардировки Бахмача шел по этой дороге пешком в сторону Конотопа). Повели к начальнику Алексе. Тот выслушал Гашека, видимо, проникся доверием к нему и предложил остаться в отряде. Но Гашек отказался. По приказу Алексеи мужик отвез его в Конотоп. На линии Конотоп—Брянск шли стычки с немцами. Чешский командир на станции дал ему место в вагоне с курьерами, везущими документы и архивы в Москву через Харьков.

В поезде Ярослав Гашек делал вид, что спит, и слушал разговоры об отступлении у Тернополя. Один из курьеров достал подшивку приказов и читал ее. Когда курьеры уснули, Гашек взял подшивку и прочитал приказ по 1-му полку имени Яна Гуса от 21 октября 1917 года по старому стилю. В нем был список награжденных за бой у Зборов, где встретил фамилии многих хорошо знакомых, среди которых значился «Ярослав Гашек, стрелок 1-го стр. полка Яна Гуса нестроевой роты, награжден за заслуги в зборовском бою и тернопольском отступлении медалью св. Георгия 4 степени». Далее читал приложение: «Во время тяжелого июльского отступления всегда честно и мужественно исполнял свои обязанности, часто под огнем артиллерии и при обстрелах.

В частности, 12 и 13 июля, когда противником была уничтожена полковая канцелярия, по своей инициативе перешел в роты, воевал с ними и нес тяготы отступления».

Гашек положил приказы на место и молчал всю дорогу.

В Харькове он встретился со своим зятем Ярославом Майером, работавшим у чешских скульпторов Стрейчека и Кубеши, и звал его с собой, но безуспешно.

Двадцать девять месяцев пребывал Ярослав Гашек на земле Украины. Закончился украинский этап боевого пути легионера Ярослава Гашека в Москве при выходе из харьковского поезда на Курском вокзале. Отсюда начался его путь красного комиссара в редакции еженедельника чехословацких социал-демократов «Прукопник». В его первом номере 27 марта после передовицы помещена статья «К Чешскому войску. Почему оно идет во Францию?». Эта статья принадлежала уже совсем другому Ярославу Гашеку, не тому, который еще три месяца назад, 24 декабря 1917 года, выступал в «Чехословане» со статьей «Фельетон» против большевиков, отменивших празднование Рождества и ряд демократических свобод.

Со временем в его личном деле на учетной карточке неизвестный чиновник напишет красным карандашом пометку «Sběh», что означает «дезертир». Ее можно увидеть и сегодня.

Александр Муратов, Дина Муратова

Вокзал в Бахмаче. Март 1918. Где-то здесь Гашек заявил о своем уходе из легиона и пошел в Конотоп. Здание вокзала сгорело осенью 1941 года.

Комментарии по поводу

В № 4 была опубликована статья о Ярославе Гашеке, где напечатано следующее: «...Это был тот самый Антонин Чила, который через три года на Дальнем Востоке будет скрупулезно по описи передавать „золотой поезд“ большевикам и не возьмет себе ни кусочка, за что станет предметом всеобщих насмешек». Бескорыстие названного господина покоряет. Действительно верю, что данный человек не взял себе ни кусочка. Но здесь возникают следующие вопросы:

Почему вдруг «золотой поезд» был передан открытым врагам чехословацкого легиона, с которыми белочехи до этого два года воевали?

Все ли было передано?

На какие средства был основан вернувшимися на родину легионерами собственный банк? Здание «Легиобанка» в самом центре Праги (улица На Поржичи) было построено в 1923 году. В настоящее время здесь располагается одно из отделений Чехословацкого торгового банка. Еще в 1924 году газета «Известия»

сообщала, что «Легиобанк» — один из самых крупных и богатых финансовых институтов независимой Чехословакии.

На первый вопрос ответ прост: легион купил себе право на беспрепятственный проезд во Владивосток.

Вот как комментируется в исторических документах ответ на второй и третий вопросы: «...Естественно, не упустили своего бывшие союзники адмирала — чехословаки. С 8 по 14 января 1920 года они были фактически хозяевами „золотого эшелона“... „Доля“ чехословаков в грабеже адмиральского поезда составила свыше 40 миллионов рублей золотом. Когда чехи возвращали красное царское золото, то про эти миллионы они деликатно „забыли“... Позже это золото чехословаки доставили к себе на родину, и оно легло в основу так называемого „Легиобанка“. Многие считают, что в определенной степени именно благодаря этим резервам чешская промышленность в межвоенный период пережила небывалый подъем, а экономика не испытала на себе сокрушительных ударов мирового экономического кризиса конца 20-х — начала 30-х годов».

Анатолий Розов